

Тень Хаджи-Мурата в Хамовниках

175-ЛЕТИЕ ЛЬВА ТОЛСТОГО ОТМЕТИЛИ ВЧЕРА В МОСКОВСКОЙ УСАДЬБЕ ПИСАТЕЛЯ ПРЕМЬЕРОЙ ОПЕРЫ ПО ЕГО ЗНАМЕНИТОЙ ПОВЕСТИ

Наталья ЗИМЯНИНА

Все-таки представление опере air (на открытом воздухе), столь естественное для теплой Европы, вряд ли приживется у нас, подумала я, придя на премьеру оперы в усадьбу Толстого. 300–400 уважаемых гостей по мере того как темнело и холодало, подумали, наверное, то же самое.

Опера Ширвани Чалаева, написанная в 1991 году, уносит нас в вечно воюющие с Россией горы Кавказа. А писал Толстой «Хаджи-Мурата» в конце жизни здесь, в Хамовниках.

В крепко сбитом либретто Виктора Дубровского выужены из повести именно те слова, которые ошарашивают в книге. Поэтому все оперные трудности, связанные с пониманием текста, так или иначе преодолевались (а это важно: сюжет непрост). Действи-

тельно, как не обыграть в спектакле мысль Николая Первого: «Твердо держаться моей системы разорения жилищ, уничтожения продовольствия в Чечне. И тревожить их набегами». 150 лет прошло, а система все та же...

Для Чалаева главным оказалось другое – и счастье у людей одно, и горечь одна, и горе матери не знает национальности. Почти не прибегая к чистому фольклору, он мощно, мастерски сплетает мелодии русские и восточные. «В партитуре нет ни зурны, и барабанов. Это не этническая опера. Да и нежность лучше, чем на скрипке, не сыграть», – говорит композитор.

Если не считать беспомощной режиссуры, артисты театра «Амадей» справились со сложнейшей задачей исполнения современной музыки вкупе с элементами world music (этнически-ми) достойно. Особенно поста-

рался Валерий Планкин (Хаджи-Мурат), у которого один только монолог о жизни его героя шел минут пятнадцать. А сценогра-

фия-то – два бутафорских осколка скалы да канат в руках артиста, из-за чего он поставлен в положение балерины, выпущенной без пачки на асфальт.

Когда на уровень оркестра со сцены спускались люди в вызывающе черных одеждах, в сердце покalyвало: Дубровка! Ассоциация болезненная.

Но композитор своей музыкой настаивал: мы одинаковые, мы поем детям схожие колыбельные, грустим в одной гармонии,

радуемся в одном ритме.

Трудно сказать, где тут «кончается искусство и дышит почва и судьба». Где тут кончалось вдохновение и начиналась политкорректность? Директор музея Виталий Ремизов объявил, что в зале – представители чеченской и дагестанской диаспор. А спектакль посвящен памяти жертв всех войн на земле Кавказа. Таких глубоких по смыслу, многогранных акций Москва знала не много.

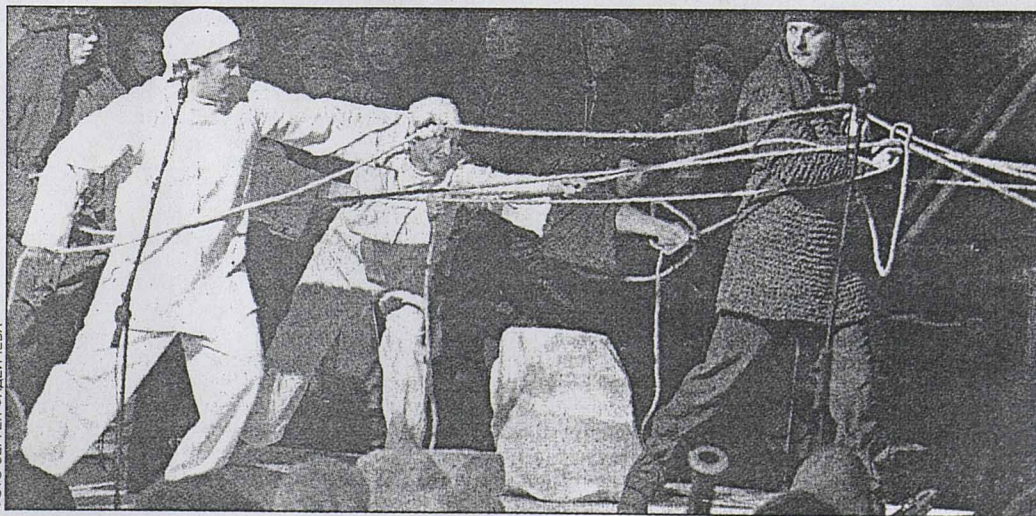

ФОТО СЕРГЕЯ ФАДЕЙЧЕВА